

«Сценарии» межкультурных взаимодействий в эпоху глобализации

Феномен глобализации, под которым обычно понимают интенсификацию социальных, политических, производственно-экономических и духовно-культурных интеракций в планетарном масштабе, в наше время оказывает влияние на все сферы жизни общества. И хотя глобализация еще не завершилась, уже сегодня необходимо задуматься над тем, куда она может привести человечество и что станет в будущем с социокультурными образованиями, оказавшимися под влиянием глобализационных процессов.

При изучении глобализационных изменений часто наиболее актуальными становятся вопросы о том, чего следует ожидать человечеству: сохранения или уничтожения культурного разнообразия, а также способствует ли глобализация взаимообогащению культур и можно ли унифицирующие или интегрирующие процессы, протекающие в современном обществе, считать признаками сближения образа жизни людей. В связи с этим особую значимость приобретает исследование глобализационных процессов, затрагивающих духовно-культурную сферу общества и влияющих на трансформации полей межкультурных взаимодействий. При этом важно обратить внимание на то, что в наши дни глобализирующимися являются практически все существующие культуры и цивилизации. Редкое исключение составляют те из них, реликтовость и относительная автономность которых поддерживается сознательно и зачастую извне с какой-либо определенной культурно-антропологической или этнографической целью, предполагающей сохранение специфичности того или иного культурно-цивилизационного ареала.

Необходимо также отметить, что духовно-культурная сфера жизни глобализирующегося общества связана с изменением не только культурных феноменов («систем идей»)¹, но и сознания соприкасающихся с ними индивидов. Связь эта осуществляется через трансформацию «генетического кода» культуры², формирующего доминантные установки, которыми принадлежащие к данной культуре люди руководствуются в своем поведении в ходе коммуникации с другими людьми.

В глобализирующемся обществе имеет место значительное увеличение числа межкультурных контактов, растет транспарентность, или «прозрачность»,

---

¹ Понятие «идея» здесь трактуется в широком смысле. В этом случае идеями можно назвать, например, убеждения, ценности, традиции, идеалы и тому подобные феномены.

² Под генетическим кодом культуры в данном случае понимается сложившаяся в рамках какой-либо культурной традиции программа актуализации смыслов, норм и ценностей.

государственных границ и информационная «открытость», т. е. доступность информации, которая, тем не менее, не обеспечивает достоверности и увеличения степени определенности и понятности передаваемой информации, а также не гарантирует преодоления информационной фрагментированности и эклектичности. При этом коммуникация, преодолевая национально-государственные границы, не просто выходит на мировой уровень, а глобализируется, иными словами, приобретает тенденцию к планетарному охвату. Это происходит вследствие того, что многократно ускоряется обмен информационными потоками, делая возможной почти мгновенную передачу информации из одной точки земного шара в другую и, вместе с тем, позволяя оперировать большими объемами информации, а также адресно распределять информацию большому количеству лиц одновременно. В связи с этим часто говорят о беспрецедентном расширении коммуникативного пространства и даже о «коммуникации без границ».

Коммуникация, будучи одним из основных факторов конституирования социокультурных феноменов, в целом продолжает выполнять адаптивно-адаптирующую функцию, позволяя тому или иному социальному образованию, обладающему специфической цивилизационно-культурной идентичностью, не только адаптироваться (приспосабливаться) к окружающей его совокупности социальных организмов как к изменчивой культурной среде, но и адаптировать (изменять) эту среду. Так, например, в эпоху глобализации в конкретной культуре, претендующей на то, чтобы именоваться глобальной, преобладает адаптирующая деятельность, направленная на трансформацию локальных культур.

Коммуникация, с одной стороны, является механизмом культурной преемственности, культурного наследования, обеспечивающего темпоральную, т. е. временную, межпоколенную трансляцию «генетического кода» культуры в рамках одного культурного поля. С другой стороны, коммуникация выступает в качестве механизма культурной изменчивости (генерирования «культурных мутаций» и инноваций), делая возможным обновление и топологическую, пространственную, трансформацию данного «генетического кода» в процессе взаимодействия с «кодами» различных культур. Взаимопроникновение «генетических кодов» разных культур создает поля межкультурных взаимодействий, складывающиеся на базе транскультурных коммуникаций и интеракций.

В эпоху глобализации вследствие «транзита» культурных традиций происходит трансформация существовавших ранее полей межкультурного взаимодействия. Такая трансформация может осуществляться по одному из пяти социокультурных «сценариев»,

к которым относятся: детрадиционализация, взаимная социокультурная ассимиляция, системная интеграция, ретрадиционализация и унификация.

Распространенный социокультурный «сценарий» – *детрадиционализация* прежнего «генетического кода» культуры, т. е. такого взаимодействия межкультурных полей, которое имеет своим последствием «размывание» культурных традиций в результате попытки замещения одной культуры другой культурой.

Наиболее обстоятельно процесс детрадиционализации описывает один из крупнейших современных социологов Энтони Гидденс в своей книге «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь». Он обращает внимание на то обстоятельство, что «традиции – здесь лишь теневая сторона современности, выдуманная конструкция, которую легко устранить» [2, с. 55]. Более того, Э. Гидденс отмечает, что именно на основе детрадиционализации сегодня «формируется глобальное космополитическое общество» [2, с. 59]. Можно сказать, что детрадиционализация в данном случае выступает как своеобразная «гибридизация» культур, вызванная частичным замещением одних культур другими в социальном пространстве их взаимодействия. При этом, как пишет Э. Гидденс, «конец традиций не означает их исчезновения, о котором мечтали мыслители эпохи Просвещения. Наоборот, в измененных формах они по-прежнему пышным цветом цветут повсюду. Но, если можно так выразиться, этим традициям следуют все менее традиционным способом» [2, с. 59–60].

На сегодняшний день одним из наиболее ярких примеров детрадиционализации стала начавшаяся еще в первой половине 1980-х гг. и продолжающаяся и в наше время «макдональдизация» – экспансия McDonald's во все страны и регионы мира, нередко воспринимаемая как потенциальная угроза существованию кулинарно-эстетических традиций, сложившихся в той или иной культуре.

Однако вопреки опасениям антиглобалистов, абсолютная «детрадиционализация» вряд ли возможна, поскольку устои культуры того или иного социального образования имеют глубокие исторические корни, а культурно-историческое прошлое, как известно, нельзя просто так в мгновение ока стереть из памяти множества людей, осознающих себя представителями той или иной культуры. Хотя попытки сознательно изменить прошлое были и в Древней истории, и в Новейшей³. Необходимо осознать, что должна произойти смена нескольких поколений людей, которые поддерживают те или иные социокультурные нововведения и интерпретации существующих социокультурных

---

³ Вспомним, например, предпринятую в XV в. до н. э. фараоном Эхнатоном (Аменхотепом IV) попытку религиозно-политической реформы, связанной с распространением созданного им культа бога Атона. После смерти этого фараона египтяне вернулись к старому культу.

устоев, а также изменение традиций, прежде чем начнет иначе восприниматься общее для них культурно-историческое прошлое⁴.

Другой не менее распространенный «сценарий», по которому сегодня может происходить трансформация полей межкультурного взаимодействия – это взаимная *социокультурная ассимиляция*⁵.

В качестве иллюстрации такой ассимиляции можно рассматривать описываемый индийской исследовательницей, антропологом и культурологом Туласи Шринивас пример «макдональдизации», осуществлявшейся в Индии. Как пишет Т. Шринивас в статье «"Свидание с судьбой". Индийский вариант культурной глобализации», «продукция *McDonald's* создает определенные рыночные проблемы в такой стране, как Индия, и идея кусочка говядины в булочке оказалась непривлекательной для большинства индийцев, исповедующих индуизм, даже для наиболее европеизированных из них» [14, с. 105]. Поэтому «*McDonald's* попытался приспособить к местным условиям, т. е. "индианизировать" свое меню» [14, с. 105]. Так, например, «менеджеры компании изменили надписи на своих гамбургерах с обычного биг-мака на махараджа-мак – так называемый индийский гамбургер с некоторыми вегетарианскими компонентами» [14, с. 105]. Таким образом, компания «*McDonald's*» предприняла попытку адаптироваться в сложившейся ситуации, ассимилировавшись к традициям индийской культуры.

Наиболее позитивным из всех «сценариев» трансформации полей межкультурного взаимодействия представляется *системная интеграция*, под которой понимается так называемая «интеграция без ассимиляции». Системная интеграция происходит в том случае, когда разные культуры, не утрачивая своей специфики, объединяются в одну, обладающую системной целостностью и качественной самотождественностью, вследствие чего появившееся в результате этого межкультурное образование можно охарактеризовать как обладающее «интегральными свойствами», которые не сводятся к сумме свойств отдельных культур, входящих в состав данного образования.

Необходимо отметить, что интеграция может быть определена через понятие «связь», которое представляет собой «взаимную согласованность изменений» [6, с. 41]. Это означает, что социокультурные объекты могут интегрироваться лишь на основании принципа целостности. Кроме того, важно подчеркнуть, что следствием интеграции, как правило, является увеличение количества социальных контактов, следовательно, и

---

⁴ Хотя в эпоху глобализационных процессов *McDonald's* в некоторых странах и составил ощутимую конкуренцию местным предприятиям быстрого обслуживания, следует помнить, что последние были скорее данью практичности, чем центрами сохранения кулинарно-эстетических особенностей национальной культуры.

⁵ Под взаимной социокультурной ассимиляцией здесь понимается наложение различных культурно-генетических «кодов» друг на друга, или гибридизация культур.

проницаемости социальных перегородок, обуславливающее уплотнение общества и тем самым повышающее скорость и эффективность коммуникации и взаимодействия индивидов.

Интеграция не устраняет культурных различий, а напротив апеллирует к ним, конституируя и сохраняя культурное разнообразие. То есть, как писал в своем многотомном сочинении «Постижение истории» британский дипломат, историк, социолог и философ Арнольд Джозеф Тойнби, «в наш век главным в сознании обществ является осмысление себя как части более широкого универсума, тогда как особенностью общественного сознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом» [12, с. 12].

Понимаемая таким образом системная интеграция делает возможным «диалог культур», способствующий толерантности представителей разных культур по отношению друг к другу и их взаимному уважению. В рамках подобного «диалога» сводятся к минимуму деструктивные и элиминирующие различия факторы взаимодействия разнообразных культур, а само взаимодействие становится более конструктивным и продуктивным. При этом необходимо подчеркнуть, что «интеграция не должна пониматься как взаимодействие сильного (и потому всегда правого) центра и слабой (и потому всегда неправой) периферии» [6, с. 45].

Следует также указать на то обстоятельство, что причинами системной интеграции социокультурных образований часто становятся производственно-экономические и технологические факторы; поэтому нередко говорят о том, что глобализация в первую очередь началась в хозяйственно-экономической подсистеме общества, а затем распространилась на остальные его сферы, в том числе и на духовно-культурную.

Благодаря наличию социокультурных особенностей, отличающих интегрирующиеся образования друг от друга, имеет место возможность кооперации данных образований друг с другом, сочетающая в себе два принципа, допускающих сохранение их качественной самотождественности и специфичности. Первый – принцип комплементарности, т. е. взаимной дополнительности, второй – связанный с ним принцип конвергенции, позволяющий преодолевать и взаимно корректировать отдельные недостатки и те или иные виды социальной аномии⁶, наблюдавшиеся ранее в этих социокультурных образованиях⁷. При этом следует отметить, что в случае системной интеграции возможно формирование общих наднациональных институтов. Так, создание единой валюты «евро», действующей на большей части территории Европейского Союза.

---

⁶ Термин французского социолога и философа Эмиля Дюркгейма (Durkheim) (1858–1917).

В качестве примера социального образования, которое сегодня пытается развиваться по типу системной интеграции, можно привести такую известную международную организацию как Европейский Союз⁷.

Возникновение и расширение зоны распространения этой денежной единицы, по всей видимости, свидетельствует о попытках совместить культурную интеграцию и экономическую стандартизацию.

В данном случае стандартизация представляет собой формирование неких эталонов, под которыми в широком смысле понимается то, что характеризует и определенным образом выражает «универсальность принципов кодируемой информации» [13, с. 56]. Эти принципы отвечают критериям «функциональности, качества и общедоступности» [13, с. 45] и направлены на повышение производственно-экономической эффективности, а также на преодоление экономических, в частности финансовых, и производственных издержек. Проходя сквозь государственные границы и становясь трансграничной, глобальной, такая стандартизация позволяет выработать более или менее единую шкалу сравнения в планетарном масштабе различных потребительских характеристик региональных товаров. Тем самым она «стимулирует повышение качества региональных продуктов» [13, с. 47], вынуждая их быть более конкурентоспособными не только на внутреннем, но и на мировом рынке.

Стандартизацию как процесс, часто рассматриваемый позитивно с производственно-экономической точки зрения, необходимо отличать от социокультурной унификации⁸ как процесса, затрагивающего и существенным образом трансформирующего духовно-культурную сферу жизни общества. Хотя стандартизация и может оказывать влияние на культуру, опасной она становится лишь в том случае, когда культура духовно обесценивается и экономизируется. Иными словами, это происходит, когда любой культурный феномен мгновенно может превратиться в товар, нечто утилитарно-прагматическое, что продается и покупается, рассматривается лишь с функциональной, а не с ценностной точки зрения, является только средством, а не целью.

Возвращаясь к рассмотрению системной интеграции как возможного «сценария» трансформации полей межкультурных взаимодействий в условиях глобализации, важно упомянуть о том, что позитивные и конструктивные последствия «сценария» системной интеграции могут способствовать минимизации связанных с социокультурными идентичностями конфликтов, часто имеющих место в глобализирующемся обществе. Один из вариантов такой минимизации, например, предполагает постепенное формирование социокультурной метатриады – метацинностей, метанорм и метасмыслов, которые по принципу конвергенции – путем исключения негативного и сохранения позитивного – позволят синтезировать (но отнюдь не элиминировать) триаду ценностей,

---

⁸ Унификация как «сценарий» трансформации полей межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации будет рассмотрена позже.

норм и смыслов отдельных обществ, надстраиваясь над ними. Тем не менее, пока еще невозможно ответить на вопрос о том, насколько общезначимой станет эта метатриада.

Следует также подчеркнуть, что до планетарной интеграции различных обществ в единое социокультурное образование, «глобальный человек», «сверхобщество»⁹, или утопически прекрасную «глобальную ойкумену»¹⁰ и тому подобное, еще очень далеко. Да и возможна ли такая всеобъемлющая интеграция? Этот вопрос довольно часто обсуждался и, тем не менее, ответ на него оставался открытым на протяжении всей предшествующей истории существования человечества.

Не ставя точку в этой дискуссии, отметим, что в современных условиях наиболее исчерпывающим представляется такое понимание системной интеграции, согласно которому различные культуры в идеале должны стремиться к подобной интеграции, несмотря на то, что приближение к ней, говоря языком математики и синергетики, остается асимптотическим.

Еще одним возможным социокультурным «сценарием» трансформации полей межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации является *ретрадиционализация*, т. е. выработка локальных альтернатив «глобальной культуре», восстановление некогда утраченных традиций и даже создание «псевдотрадиций», которые с течением времени могут превратиться в традиции, считающиеся исконными, подлинными, аутентичными. Однако при этом следует обратить внимание на то, что не существует абсолютных традиций, традиций в «чистом виде». Традиция всегда относительна. Она во многом представляет собой пластичный феномен, формирующий коллективное ощущение качественной самотождественности и исторической константности бытия того или иного социокультурного организма. Диалектика традиций такова, что они часто связываются с преемственностью поколений, с одной стороны – как обуславливающие эту преемственность, а с другой – как обусловленные ею. Иными словами, процессы развития того или иного социокультурного образования и становления его традиций сопутствуют друг другу, протекают синхронно.

Следует также отметить, что «псевдотрадиции», создаваемые в ходе ретроадиционализации, отличаются от традиций тем, что первые формируются сознательно и целенаправленно, а вторые складываются стихийно или же воспринимаются как стихийно сложившиеся, как образовавшиеся в ходе естественно-исторического развития того или иного социокультурного организма.

---

⁹ Термины известного логика, социолога и философа А.А. Зиновьева.

¹⁰ Термин Ульфа Ганнерса (Hannerz), обозначающий диалоговое пространство взаимодействия культур.

Ретрадиционализация часто имеет идеологическое значение и обычно осуществляется сознательно с целью поддержания цивилизационно-культурной идентичности определенного социального образования, хотя в дальнейшем может превратиться в неуправляемый и неконтролируемый процесс.

В ходе ретрадиционализации нередко во главу угла ставится известный принцип «De gustibus non disputandum» («О вкусах не спорят»), призванный отстоять самобытность, специфичность, оригинальность, уникальность, качественную самоидентичность и даже право на существование определенных социокультурных феноменов. В случае ретрадиционализации этот принцип применяется не столько на индивидуально-личностном, сколько на коллективном уровне: на уровне отдельных культур и цивилизаций как обладающих собственной социокультурной идентичностью. Примерами конкретных вариаций данного принципа можно считать развиваемую в ЮАР концепцию «негритюд», апеллирующую к понятию «африканского ренессанса», возрождения и восстановления африканской культуры, а также воссоздающую ныне идеологию евразийства в ее неоевразийском варианте.

Как правило, ретрадиционализация является реакцией на попытки глобальной культуры тем или иным образом распространить свое влияние на локальные культуры или даже сместить локальные культуры; и в этом смысле ретрадиционализация является оправданной как адаптационный механизм самосохранения локальной культуры. Однако необходимо понимать, что ретрадиционализация может служить источником как конструктивных, так и деструктивных социокультурных интенций. Она может рассматриваться как конструктивный феномен до тех пор, пока не создает угрозы существованию традиций, поддерживаемых в других социокультурных образованиях.

В своей крайней, радикальной форме ретрадиционализация может проявляться не только в социокультурном нигилизме, т. е. в сознательном отрицании какой-либо локальной культуры, позиционирующей себя как глобальная, но и в социокультурном маргинализме, проявляющемся в культурном обособлении того или иного социального образования, в формировании так называемого «культурного гетто».

В качестве примера ретрадиционализации можно также привести «реисламизацию» – «исламскую революцию» в Иране, а также то обстоятельство, что в 70-е – 80-е годы XX века афроамериканцы – граждане Соединенных Штатов Америки, часто принимали ислам, чтобы тем самым еще резче обозначить отличие собственной социокультурной идентичности от идентичности остальных американцев.

И, наконец, весьма опасным по своим последствиям «сценарием» трансформации полей межкультурного взаимодействия в глобализирующемся социуме является

социокультурная унификация. С подобной унификацией мы сталкиваемся там, где имеет место формирование стандартов, затрагивающее не только производственно-экономические, но и социокультурные феномены: «Стандарты одежды, музыкальных и гастрономических предпочтений, характер развлечений и пр. универсализируются на наших глазах» [6, с. 41]. Иными словами, нечто, бывшее когда-то единичным, претендует на то, что бы стать общим, тем самым, утратив статус единичного. При этом важно понять, что при рассмотрении феномена унификации общее трактуется как схожее, а не как целое.

Таким образом, социокультурную унификацию можно охарактеризовать как тенденцию уменьшения культурного разнообразия, «гомогенизации культуры», устанавливающую отношения между лицами или группами лиц, а также между индивидуальными или коллективными социокультурными идентичностями на основании абсолютизации принципа сходства.

Кроме того, необходимо осознать, что унификация касается не только тех или иных объектов культуры, но и живых человеческих индивидов, а также социальных образований, в состав которых входят последние. В глобализирующемся социуме унификация может происходить на уровне индивидуальных¹¹, групповых¹² и коллективных¹³ социокультурных идентичностей. На индивидуальном, личностном уровне унификацию можно охарактеризовать как конформизм (отказ человека от выражения своего «я»), либо как растворение его в толпе, в массе, либо как социокультурную шаблонизацию. Такой унификации противостоит партикуляризм как стремление к обособлению. Партикуляризм нередко имеет своим последствием сознательную целенаправленную маргинализацию, которая в наиболее радикальных

---

¹¹ Понятие «индивидуальная идентичность», или «идентичность отдельного человека», характеризует индивидов самих по себе и поэтому используется преимущественно в психологии и философской антропологии. Под идентичностью человека обычно понимается сугубо индивидуальный целостный многослойный комплекс, каждый слой в котором репрезентирует включенность индивида в ту или иную группу и формируется с учетом антропологических задатков данного человека в процессе его взаимодействия с представителями этих групп и связан со сложной структурой психики конкретного индивида.

¹² Понятие «групповая идентичность» позволяет охарактеризовать идентичность социальной группы. Групповую идентичность как системное образование нельзя редуцировать к совокупности индивидуальных идентичностей, поскольку при ее рассмотрении во главу угла ставится не проблема индивидуальной ориентации и специфичности того или иного конкретного человека, а проблема взаимодействий между группами.

¹³ Понятие «коллективная идентичность» употребляется в социологии, этнологии, культурологии и социальной философии. В узком смысле оно используется для характеристики социальных общностей, т. е. возникших в ходе естественно-исторического движения социальных образований в отличие от групп, создаваемых целенаправленно. Коллективная идентичность – это не субъектное или групповое свойство, а характеристика культур, цивилизаций, социально-исторических организмов, т. е. единая совокупность системообразующих признаков, формирующих качественную самотождественность этих социальных феноменов. К этим признакам относятся, например, коллективное самосознание, а также признание данного социального образования теми, кто не входит в его состав.

формах может находить проявление в местном культуроцентризме – попытке отрицания не только глобальной культуры, но и остальных локальных культур.

Интересной представляется диалектика феномена социокультурной унификации в контексте глобализации. Так, нередко осуществлялись попытки сделать унификацию процессом, управляемым деятельностью людей и направленным на создание определенных потребительских предпочтений, поддерживающих спрос на те или иные виды товаров и услуг. Но даже будучи инициированной не без помощи тех, в чьих руках находятся средства массовой информации и активы транснациональных корпораций, впоследствии унификация стала стихийной, неконтролируемой и непредсказуемой по своим последствиям. В связи с этим следует отметить, что социокультурная унификация может принимать вид массовизации, приводящей к усреднению культурных различий, а также стереотипизации и социокультурной шаблонизации, делающей штампы, ярлыки, стереотипы и шаблоны своеобразными «инстинктами культуры» и насаждающей их в сознании людей.

Конечно, нельзя отрицать некоторые позитивные функции, выполняемые стереотипами. Так, например, в отдельных устойчивых, повторяющихся ситуациях стереотипы, благодаря так называемой «автоматизации поведения», помогают сохранить время, необходимое для принятия решений. Однако в контексте глобализации социокультурная обстановка быстро меняется. И в этих условиях возрастание «стереотипизированности» не всегда может рассматриваться как позитивный феномен, поскольку складывающаяся коммуникация различных культур, беспрецедентная по своим масштабам вследствие все более увеличивающегося числа коммуникантов в каждый конкретный момент времени является уникальной. Наличие же стереотипов, предубеждений и шаблонов относительно поведения представителей тех или иных культур вряд ли внесет ясность в складывающийся межкультурный «диалог». Иными словами, на стадии становления этого «диалога», до тех пор, пока он не приобрел устойчивые формы, стереотипы, сформированные в рамках той или иной конкретной культуры, являются излишней помехой, поскольку они сужают поле зрения и социокультурный кругозор участников коммуникации. При этом стереотипы как определенные, часто не осознаваемые, поведенческие ситуативные установки по отношению к участникам коммуникации следует отличать от традиций конкретной культуры. Традиции, свойственные конкретной локальной культуре, в большинстве случаев являются осознаваемыми, более того, сознательно поддерживаемыми с целью сохранения собственной социокультурной идентичности, поскольку они воспринимаются как «внутрикультурные», как имманентные своей культуре.

Конечно, унификация не всегда характеризуется как деструктивный по своим последствиям социокультурный феномен. Довольно часто она может оцениваться как позитивное явление, в том случае, когда, например, глобализаторы предлагают качественную, удобную и комфортную одежду. При этом вряд ли кто-то станет сопротивляться такой унификации, если она не противоречит устоявшимся и сознательно сохраняемым культурным традициям.

Иначе обстоит дело, когда унификация оказывается культурным диктатом, культурным доминированием, навязыванием «глобальной культуры», манифестацией одних социокультурных идентичностей, временно ставших пассионарными, и мерцающим угасанием других. Вызвавшее подобную унификацию взаимопроникновение культур в большинстве случаев не является симметричным. В нем можно четко выделить источник культурного влияния («центр») и воспринимающую данное влияние «периферию». За такую унификацию выступают, как правило, те, кто развивает идеологию глобализма и хочет унифицировать весь остальной мир по собственному «образу и подобию».

Большинство социальных общностей чаще всего оказывает сопротивление всякой попытке унифицирования, если она не вписывается в их культурные традиции или противоречит таковым. Тем не менее, важно понимать, что если унификация достигнет своего апогея, это приведет к уменьшению культурного разнообразия, а в итоге и к культурному обнищанию человечества в целом.

Те, кого можно назвать представителями «центра», «глобалистами» или «глобализаторами», преподносят вестернизацию, американизацию и другие виды унификации как борьбу с дикостью. Но где гарантия того, что развитие с глобалистским вектором является наилучшим?

Кроме того, остается открытым вопрос: сможет ли возведенная на пьедестал так называемая «глобальная культура», имеющая конкретное локальное происхождение, сохранить свой авторитет или, побывав в «культурном котле» современности, она растворится в нем либо изменится до неузнаваемости? В конце концов, может оказаться, что мы вообще никогда не видели ее настоящего лица.

Не следует также забывать, что унификация – процесс длительный и далеко не безболезненный. Зачастую его побочным эффектом является крушение национальных традиций, облегчающее завоевание более слабых государств мощными сверхдержавами. Однако полная, т. е. абсолютная планетарная, унификация невозможна, ибо она сама по себе утопична и не является жизнеспособной. Даже если бы она осуществилась, общество пришло бы к трагической ситуации, описанной в известном романе-антиутопии Е.

Замятаина «Мы», в гротескном виде изображающем тоталитарный режим. Тем не менее, в сложившихся обстоятельствах имеет смысл предать гласности обсуждение вопроса о пределах унификации в глобализирующемся обществе.

Вместе с тем, обнадеживает то обстоятельство, что постепенно начинают активизироваться и контрунификационные тенденции, которые обнаруживаются в том, что, во-первых, люди все-таки не безвольные винтики и не бездушные машины, они обладают свободой воли, способностью к самоиндукции – «возможностью ранжировать объективные потребности существования» [6, с. 42] по степени их значимости; во-вторых, человеку свойственно выбирать, ибо все время наличествует вариативность интересов, а выбор этот осуществляется не всегда в пользу навязываемой извне стратегии поведения.

Поэтому, говоря об унификации, необходимо успокоить наших современников. Вероятнее всего всеобщей культурной унификации не произойдет, ибо все мы выросли в различных социальных и культурных условиях и лишь в них наиболее оптимально может реализоваться наша родовая сущность, которая при всей константности потребностей, свойственных всякому представителю вида *homo sapiens*, каждый раз находит свое проявление в той или иной конкретной социокультурной идентичности. А отчуждение человека от культуры, к которой он принадлежит, как известно, нередко имеет негативные последствия, даже если оно было добровольным. Стоит вспомнить, например, случаи кроссэтнических браков, демонстрирующие, что у эмигрантов, попавших в другую этнокультурную общность, ассимиляция не всегда проходит беспрепятственно и завершается не раньше, чем в третьем поколении. Конечно, не следует забывать, что стирание культурных границ часто совершается на бессознательном уровне, например, через средства массовой информации, которыми в значительной степени и определяются масштабы унификации.

В эпоху глобализации на мировой арене разворачиваются различные «сценарии» трансформации полей межкультурных взаимодействий. Многие из них изначально были сознательно инициированы деятельностью людей, но впоследствии стали неуправляемыми. Эти «сценарии» конкурируют друг с другом за место в глобализирующемся социуме, чаще всего неравномерно влияя на жизнь общества, поскольку они сменяют друг друга как в пространстве, так и во времени. В настоящий момент среди них нельзя выделить преобладающий социокультурный «сценарий», хотя все они тем или иным образом детерминируют развитие современного общества и современной культуры. Дальнейшая судьба большинства социальных образований во многом зависит от того, «победит» ли какой-то конкретный из этих «сценариев», представляющий собой определенный «полюс» развития культуры, или мир по-прежнему

останется многополярным как в смысле наличия множества различных социокультурных «сценариев», так и в смысле сохранения культурного разнообразия.

Список литературы

1. *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Глобализация и синергетический историзм: синергетическая теория глобализации. – СПб.: Политехника, 2004.
2. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь Мир, 2004.
3. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. – М.: Эксмо, 2003.
4. Искусство в контексте цивилизационной идентичности // Материалы I Международной конференции «Искусство и цивилизационная идентичность (Опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме)». – М.: Государственный институт искусствознания, 2006. – Т.1–Т. 2.
5. *Мионов В.В.* Философия и метаморфозы культуры / Моногр. – М.: Современные тетради, 2005.
6. *Момджян К.Х.* Об одном многократно упоминаемом процессе...// Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста /Сб. – М.: АСТ, 2004. – С. 38–45.
7. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М., 2000.
8. *Сарайкина Г.С.* Влияние глобализационных процессов на трансформацию идентичности. // Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Издательство МГУ, 2006. – Т. IV. – С. 310–311.
9. *Сарайкина Г.С.* Глобализация в современном мире. // Аспекты: Сб. ст. по филос. проблемам истории и современности. – М.: Современные тетради, 2005. – Вып. III. – С. 167–177.
10. *Сарайкина Г.С.* Проблемы и метаморфозы глобализации // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т.– М.: Современные тетради, 2005. – Т.3. – С. 133–134.
11. Средства массовой коммуникации в эпоху глобализации. Коллективная монография в 3-х томах. – М.: Государственный институт искусствознания, 2005. – Т.1.
12. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. – М., 1991.
13. *Филиппов С.* Эталон и таламус. Глобализация как гибкая оптимизация человеческой деятельности // Средства массовой коммуникации в эпоху

глобализации. Коллективная монография в 3-х томах. Том 1. Процессы глобализации и система масс-медиа. – М.: Государственный институт искусствознания, 2005. – С. 44–56.

14. *Шринивас Т.* «Свидание с судьбой». Индийский вариант культурной глобализации. // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М., 2004. – С. 98–128.